

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив
сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с пожаром в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень

*Минна
Бачинская*

Знак
с той стороны

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Знак с той стороны : [роман] / Инна Бачинская. —
Москва : Издательство «Э», 2017.— 352 с.

ISBN 978-5-699-97818-2

К частному детективу Александру Шибяеву обратилась влиятельная бизнес-леди Ада Руданская с весьма странной просьбой — разыскать первого сына ее недавно умершего мужа Николая. Когда-то в молодости Ада увела Колю от беременной невесты, и теперь, когда и мужа, и их общего сына нет в живых, ее мучает совесть и Руданская хочет оставить неведомому юноше внушительное наследство. Шибяев берется за дело, и следствие продвигается как по маслу — и свидетели нашлись, и следы не затерялись, хотя прошло уже без малого четверть века. Вроде бы надо радоваться, но такое положение дел отчего-то настораживает опытного сыщика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2017
ISBN 978-5-699-97818-2 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время родиться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни...

Екклезиаст, гл. 3

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое их сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Сутра шел снег и дул шквальный ветер; потом полил следяной дождь, а к полудню вдруг все разом прекратилось — как по мановению волшебной палочки: ветер стих, и перестал хлестать дождь; сразу стало удивительно тихо; черные тучи нехотя разошлись, и выглянуло низкое свинцовое солнце.

Игорь Васильевич, бывший учитель физики, ныне пенсионер, вывел погулять своего пса, немолодого сеттера Донго. Пес сделал свои дела и запросился домой, но Игорь Васильевич строго сказал: «Гулять!», и они пошли на край Посадовки, к небольшому леску, излюбленному месту пикников местных жителей и гостей из города. Но то летом, а сейчас лесок был пуст и печален. Белые ство-

лы берез как привидения, густой подшерсток орешника, почти облетевшего, с буро-зелеными скукоженными листьями, пружинящий, полусасыпанный снегом ковер из почерневших листьев, глубокие лужи, затянутые тонким ледком, — такова роца сейчас, и гулять там — удовольствие сомнительное. Тем более под ноги то и дело попадались пустые пластиковые и стеклянные бутылки и всякая дрянь, оставшиеся с лета. Игорь Васильевич, не торопясь и останавливаясь на каждом шагу, чтобы рассмотреть куст лопуха или пожухлые прутики цикория, на которых, к его удивлению, торчали несколько бледно-голубых цветков, продвигался в сторону роцы.

— Смотри, Донго, какова сила жизни! — говорил он своему недовольному псу. — Снег, холод, а такая нежная субстанция, как цветок, сохранилась! Среди всей этой серости и слякоти — небесная голубизна... Совсем как в жизни, просто удивительно! Это внушает надежду, правда? Так и в жизни, мой мальчик. Нужно только не терять надежду. Ибо это стержень, на котором вертится наш земной шарик.

Донго заскулил и натянул поводок, таща хозяина в сторону поселка. Он был согласен со сказанным и не терял надежды, что они сейчас развернутся и направятся к дому.

— Донго, мы еще немного пройдем, посмотрим, что там, и сразу домой, хорошо? И тогда пообедаем... Обед нужно заслужить, ты не находишь? Нужно походить, прогулки полезны для здоровья, говорят врачи. Я бы на твоём месте побегал, тогда и аппетит лучше, если побе-

гать, особенно под черносмородинную настоечку. И дышать свежим воздухом тоже способствует, так сказать. Не хочешь? Тогда я себе чуть-чуть, а тебе, мой друг, косточку. Хочешь косточку, Донго?

Так, неторопливо гуляя и беседуя на разные темы, достигли они опушки леса. Было удивительно тихо, сюда не долетали городские шумы; тишина обволакивала, была густой и вязкой и, казалось, слегка шуршала. А возможно, шуршал, наползая, туман.

— А это что у нас тут? — спросил Игорь Васильевич Донго, разглядев за кустами лещины автомобиль. — Кто это сюда к нам приехал, а, Донго? По такой погоде? Да по снежку?

Они подошли ближе. Донго заскулил. Игорь Васильевич заглянул в окно машины, почти уткнувшись в него носом, и с удивлением обнаружил, что там пусто. Он выпрямился, повел взглядом. Вокруг стоял лес — печальные деревья и кусты затыгивались подступающим со всех сторон туманом. Игорь Васильевич зябко передернул плечами. Перевел взгляд на машину, присмотрелся. На крыше застыла ледяная корка, а на окнах налипли жухлые листья.

— И следа от колес нет, — заметил Игорь Васильевич. — Из чего мы делаем вывод... Какой мы делаем вывод, Донго?

Донго оглянулся на хозяина и снова заскулил. Белесое солнце меж тем скрылось, как и вовсе не было, в природе потемнело, и в жухлой траве зашуршал мелкий дождь. Игорь Васильевич невольно оглянулся, отступил от машины и сказал нарочито бодро:

— Правильно, Донго! Мы делаем вывод, что машина стоит здесь давно и появилась еще до снега. То есть, я думаю, пару дней, никак не меньше. И что бы это значило, мой мальчик? Где хозяин? Бросил машину и ушел? Или злоумышленник угнал чужое транспортное средство и спрятал здесь? А потом заблудился и потерял дорогу? Интересный получается казус, Донго. И что же теперь прикажешь делать?

Песик подошел к машине, обнюхал передние колеса, обошел вокруг, остановился у багажника. Встал на задние лапы, опираясь передними на крышку. Игорь Васильевич с интересом наблюдал.

— Что там, Донго? — спросил он. — Что ты там унюхал, мальчик?

Донго оглянулся на хозяина, мотнув намокшим хвостом, поднял морду кверху и вдруг завыл. Его тонкий, с переливами, тоскливый вой увязал в сыром туманном воздухе, от чего лес стал казаться еще более печальным и безнадежным...

...Бригада прибыла через минут сорок. Трое вывалились из внедорожника, водитель остался внутри. Они походили вокруг машины, заглянули через окна в пустой салон, попробовали открыть дверцы. Машина была заперта. Один из прибывших тут же позвонил по мобильнику и продиктовал номер. Другой попытался открыть багажник. К его удивлению, тот легко подчинился. Оперативник издал невнятный звук, похоже выругался, и отступил.

Вся троица сгрудилась, рассматривая то, что находилось в багажнике. Игорь Васильевич подошел ближе

и тоже заглянул. И тут же отпрянул, почувствовав, как защемило сердце и закружилась голова. В багажнике накрытая полупрозрачной полиэтиленовой пленкой лежала женщина. Он неясно увидел синеватое лицо с провалами глазниц, темные влажные волосы и тонкую кисть руки...

— Папаша, вы чего? — спросил тот, что был поближе. — Вы в порядке? Сердце схватило?

— Ничего, ничего... Сейчас пройдет, — с трудом прошептал побледневший Игорь Васильевич. — Господи... кто ее?

— Будем искать, — ответили ему. — Вы тут никого больше не видели? Машина знакомая? Вы не пытались открыть дверцы или багажник?

Получив отрицательные ответы, оперативник крикнул в сторону внедорожника:

— Володя, отвези папашу домой! Запишешь номер телефона и адрес...

Глава 1

Старые долги

...Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна...

Роберт Бёрнс

...**Ш**аги... Ближе, ближе, ближе... Один, два, три, четыре... Неторопливые, издалека, размеренные. Скрип паркета. Шелест открываемой двери. Дыхание человека, тяжелое, с присвистом, как у смертельно больного. Где-то далеко ударили часы. Женщина в постели вздрогнула и прислушалась. Затаила дыхание. Дребезжащий звук старинного механизма ударил по нервам. Короткая тишина. Новый удар. Тяжелая глухая волна страха, ком в горле... Третий удар. В свидетельстве о смерти записано: три часа утра. Час ухода или кончины. Плюс-минус две-три минуты. Значит, три часа три минуты. Или три часа пять минут. Замирает сердце, нервные волокна уже не проводят боль, угасает слух, глаза еще открыты — подрагивают ресницы, — но уже не видят, остановилось дыхание, и настала напряженная тишина. Стала машина,

двигатель замер, но где-то внутри еще что-то происходит, окончательные слабые сокращения выталкивают из сердца последнюю порцию крови, а потом ее бег постепенно замирает. Двигатель еще теплый, но уже стоит; тело сохраняет тепло почти сутки. Мозг еще работает – специальная аппаратура может уловить сигналы и явить разноцветные бегающие кривые. Они еще трепещут, мозг что-то производит – то ли мысли, то ли крик SOS, то ли бессмысленно сокращаются, замирая, нервные волокна. Принять и осознать информацию уже некому, связи порвались. Пики бегущих кривых на экране уплощаются, становятся ниже, ниже и в конце концов вытягиваются в длинные ровные линии, а потом меркнут...

Она держала его за руку. Рука была теплая, она чувствовала биение пульса. Когда рука вздрогнула в последний раз и замерла, она поняла: все...

Три часа ночи, самое мерзкое время, мысли лезут и расползаются гадкой липкой кашей, где все в кучу: стыд, сожаление, раскаяние за подлость и предательство, страх возмездия, мысли о карме, и главное – что теперь? Подведение итогов. Скорее для него, а не для себя. О, для себя она все еще на белом коне. Знамя развевается, грива дыбом, в руке палаш, рубка сплеча, упоение победой, торжествующий марш, оркестр – туш! Капитуляция, враг повержен и бежит. Горе побежденным! Сверкание глаз, раздувание ноздрей. Кто не с нами, тот против нас! Рукоплескание, любовь сторонников и ненависть поверженных. То ли действительно так, то ли попытка оправдаться...

Он стоит на пороге спальни. В белом — саван? Седея голова, черт лица не разобрать. С поникшими плечами. Стоит молча. Босой, на холодном полу. Она словно почувствовала ступнями этот холодный пол. Она сбрасывает одеяло, ей жарко.

— Коля, ты?

Ей не нравится собственный голос, ей кажется, голос дрожит, в нем предательская неуверенность.

Он молчит. Глаз не видно, вместо них — черные ямы. Ей кажется, он качает головой. Голова белая. Не простил, не забыл. Тогда молча смирился, а сейчас... Приходит, стоит, качает головой. Осуждает.

— Господи, ну виновата! Виновата! Прости, дура была! Я все сделаю, клянусь. Время еще есть... Скажи хоть что-нибудь! Не молчи! Ты всегда все принимал, ты не пытался возразить, если бы ты хоть раз попытался... Но ты молчал. Я была бессердечной дурой! Нет, не так. Я делала дело, понимаешь? У меня не было щита, уж извини. Все сама. Всегда. На войне как на войне. Ты мне веришь? Я все исправлю. Клянусь! Скажи хоть что-нибудь! Неужели за всю жизнь ничего не было? Было же! Было! Хотя бы вначале... Скажи, не молчи!

Ей хочется выть, умоляя о прощении. Внутри себя она воеет беззвучно и страшно. Единственный, кто принимал ее, кто любил... Сломала как куклу. И того, и другого. Обоих. Уничтожила. Лишила всего.

Почему понимание приходит, когда уже ничего не исправить?

Мужчина молчит. Она пристально всматривается, пытаясь узнать его черты, но фигура у двери истончается, скукоживается, делается ниже и окончательно исчезает. Она всматривается — в дверном проеме пусто. Ушел, ничего не сказав. Как и раньше, как всегда. Поначалу пытался, но она твердо сказала: будет так, как я решила. Сказала, как отрезала.

Иногда она просит: уйди! Не мучай! И он слушается, уходит, а ей не легче. Он всегда послушно уходил. Здоровый жизнерадостный мужик-мастеровой с золотыми руками. Она вспоминает его сутулую спину, потухшие глаза, седину... Однажды ей пришло в голову, что она собирает камни — по камешку, большому и маленькому. Идет босая по растрескавшейся сухой земле, усеянной камнями, нагибается и подбирает их, складывает в холщовую торбу, висящую на шее, уже и не разогнуться — тяжела ноша. Серый низкий потолок неба, серая сухая земля, бесконечная пустыня, а вдали — такие же согбенные молчаливые фигуры собирают урожай камней. Вот и весь смысл: разбрасывать и собирать. Если успеешь...

Иногда их двое, и ей приходит в голову, что они там встретились и теперь вместе, хотя здесь друг друга не жаловали. Они стоят на пороге, глядя на нее проваленными глазами — старый и молодой, соприкасаются плечами, молчат. Отец и сын. Я же все для тебя, бормочет она. Все! Ни в чем отказа не было, душу отдавала... Проклята. За что? Одному — все, другому — ничего, а теперь они вместе, смотрят оттуда, осуждают, помирились. Теперь они против нее, все против нее... За что? Вкальвала как

вол, надрываясь, тащила воз, забыв, что есть беззаботная праздничная жизнь, шмотки, курорты, поездки, блестящие побрякушки. Вол женского пола, игра природы...

Часы в гостинной бьют четыре. Уже не уснуть. Она включает ночник, достает из тумбочки трубочку с пилюлями, высыпает на ладонь две и замирает, прислушиваясь, чувствуя, как обдает ужасом. Тонкие плоские звуки шарманочного вальса иголками впиваются в виски: раз-два-три, раз-два-три... Она переводит дух и прислушивается. Показалось! Запивает таблетки, расплескивая воду, — так дрожат руки, совсем ни к черту стала. Развалина! Бессмысленно смотрит на трясущийся стакан, отшвыривает его от себя, вздрагивает от звяканья стекла и с облегчением чувствует, как наплывает тяжелое забытье...

Глава 2

Будни частного сыска

Частный сыщик... Да знаем! Все знают. Бесстрашный брутальный седец, шрамы вдоль и поперек, пистолет под мышкой, стальной взгляд исподлобья и стальные мускулы; сначала бьет морду нехорошему парню, а потом спрашивает пароль. Опять-таки засады, погони, перестрелки, зубодробительные драки, сумасшедшие романы с прекрасными плачущими незнакомками, вызволенными из грязных лап негодяев и серийных убийц. Альковные сцены — как же без альковных сцен! Романтика, если коротко. Можно для колорита и гуманизма старушку, переводимую через дорогу.

Частный сыщик Александр Шibaев отпер дверь собственной квартиры, поддал ногой сапоги сожителя Алика Дрючина, неосторожно оставленные посередине прихожей, и стащил с себя куртку. Вошел в гостиную. Алик Дрючин стоял на голове под стеной, для равновесия опираясь в пол растопыренными ладонями. Шibaев некоторое время молча рассматривал багровую физиономию адвоката — тот отвечал ему снизу несфокусированным взглядом, — потом отправился на кухню. Достал из холодильника банку пива, открыл, щелкнув кольцом и подумав при этом, что банка похожа на гранату. Из комнаты донеслись грохот и чертыхание — адвокат свалился на пол. Спустя минуту он появился на кухне — растрепанный, тяжело дыша, потирая ушибленный локоть. Открыл холодильник и тоже достал банку пива.

— Спортсменам нельзя, — усмехнулся Шibaев. — Слышишь, бэтмен?

— Почти получилось, — сказал Алик, дергая за кольцо. — Десять минут держался!

— Рекорд, однако.

Кольцо криво вырвалось из жестянки, и Алик снова чертыхнулся:

— Какого черта ты покупаешь банки? Их же невозможно открыть! Ну и что теперь делать? — Он поболтал банку в руке. — Ножом?

— Дай! — Шibaев отнял у адвоката жестянку. Всадил острие ножа в след от вырванного кольца, шарая ладонью. — Держи!